

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

«Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова»

Представление о «Беседе любителей русского слова» как о сборище бездарных реакционеров давно уже отвергнуто нашим литературоведением. Еще Ю. Н. Тынянов показал роль старшего поколения архаистов (т. е. членов «Беседы» Шишкова, Шихматова и др.) в становлении декабристской эстетики.¹

В своих литературных исканиях «Беседа» обращалась к старославянскому языку и, естественно, проявляла интерес к памятникам древнерусской письменности. Поэтому в кругу «Беседы» должны были с особым вниманием отнестись к находке такого шедевра древней русской литературы, каким было «Слово о полку Игореве».

Хотя официальное открытие «Беседы любителей русского слова» произошло 14 марта 1811 г., и, таким образом, более десяти лет отделяет это событие от публикации «Слова», фактически литературная группа, составившая «Беседу», сложилась, как известно, значительно раньше. Так, А. С. Шишков, в будущем глава «Беседы», рассказывает о событиях 1800-х годов: «Мы четверо, а именно: Державин, Муравьев, Хвостов и я, устроили для чтения вечера, и, в назначенные дни, съезжались по очереди друг к другу. Некоторые другие любители русского языка присоединились к нашему обществу, и мы проводили время с пользою и приятностью».²

Основные теоретические положения «Беседы» были изложены уже в 1803 г. в книге Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка». Не различая старославянского и древнерусского языков, Шишков считал «славенский язык истинным основанием» русского языка, без которого последний «не может быть ни силен, ни важен».³ «Из книг славенских» следует, по Шишкову, «почерпать красоту слога».⁴

Прославление героев прошлого и побуждение современников к доблести и мужеству Шишков считал важнейшей задачей словесности: «Стихотворство сделало их (Агемемнонов, Ахиллов, Аяксов, — М. А.) бессмертными и, может быть, оно же преисполнило их великостию духа: ибо, хотя и кажется, что сама природа влагает в нас огонь смелости и муже-

¹ См.: Ю. Н. Тынянов, Архаисты и Пушкин. — В кн.: Ю. Н. Тынянов, Пушкин и его современники, М., 1968, стр. 23 и сл.

² А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870, стр. 93.

³ А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1803, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 73.

ства, однако же в какой славлюбивой душе не восплачет, не умножится сей огонь при чтении в Гомере подвигов Ахилла и Гектора?»⁵

Напечатанное в 1800 г. «Слово о полку Игореве» было написано тем древним языком, на который, по Шишкову, должна была ориентироваться современная литература. Это произведение было исполнено ораторского пафоса, прославляло и поучало, т. е. отвечало как раз тем требованиям, которые предъявлял Шишков к литературе. Естественно, что он сразу же использовал «Слово» для защиты и укрепления своей литературной позиции.

«Рассуждение о старом и новом слоге», вероятно, было написано, по крайней мере в основной своей части, до появления печатного издания памятника. Этим, видимо, объясняется отсутствие в «Рассуждении» упоминаний о «Слове», хотя «Рассуждение» и вышло в свет в 1803 г. Но с 1804 г. Шишков постоянно обращается к «Слову». Он находит здесь великолепные примеры красот славенского языка: «В Слове о полку Игореве сказано: Яр туре Всеволоде! Стоиши на бороне, прыщещи на вои стрелами, гремиши о шеломи мечи харалужными. Здесь глагол прыскать есть подлинно не обыкновенное, редко попадающееся уму человеческому, щастливое выражение».⁶ И далее: «...я, читая в песни Игоревой: а мои ти куряне сведоми к мети, под трубами повиты, под шеломи возледеяны, концем копия вскормлени, нахожу, что в словах сих заключается мысль, какой сильнее не читал я ни в Виргилии, ни в Тассе, ни в Волтере».⁷ «Слово» подсказывает Шишкову мысль о расцвете древней литературы, которая не дошла до нас, но, очевидно, существовала: «Где сочинения Боянов? Кто мне докажет, что и многих разного рода Боянов не поглотила река забвения».⁸ Само «Слово», с точки зрения Шишкова, могло возникнуть только как результат длительного предшествующего литературного развития: «Кажется нет возможности написать такую повесть («Слово», — М. А.), не имея предшественниками Боянов: откуда в человеке ничего не читавшем родится вдруг богатство ума и красноречия?»⁹ Наконец, Шишков постоянно подчеркивает связь «Слова» с устным народным творчеством. Приводя примеры из «Слова»: Игорь «поскочи горностаем», Влур «волком потече» и т. д. — Шишков говорит: «Сие отношение различных действий человеческих к свойствам животных примечаем мы и в простонародных наших сочинениях» (III, 103). И далее: «В Игоревой песне Ярославна говорит ветру: чему, господине, мое веселие по ковылю развея? В простонародной песне подобное же сему поется» (III, 105).

Уже в 1805 г. Шишков выпустил монументальную работу, посвященную «Слову о полку Игореве», которая заняла значительную часть первого тома «Сочинений и переводов, издаваемых Российской Академиею». Перепечатав полностью издание 1800 г., Шишков на 120 страницах дает пространный комментарий к каждой фразе древнего памятника, а за комментарием следует прозаический перевод «Слова». С точки зре-

⁵ А. С. Шишков. Речь при открытии Беседы. — Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 1, 1811, стр. 9.

⁶ А. С. Шишков. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1804, стр. 81.

⁷ Там же, стр. 105.

⁸ Там же, стр. 93—94.

⁹ А. С. Шишков. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки (1811). Цит. по кн.: А. С. Шишков, Собрание сочинений и переводов, ч. 3, СПб., 1824, стр. 82 (далее все ссылки на это издание в тексте; римская цифра обозначает том, арабская — страницу).

ния рационалистического мышления Шишкова, «Слову» не хватало последовательности изложения, темные места мешали однозначному пониманию памятника (а перифрастичность и многозначность слога были для него недостатками). Поэтому в переводе Шишков опускает темные места и значительно расширяет и дополняет текст своими вставками: «... рассудилось мне предложить, или паче переделать оную (песнь, — М. А.) таким образом, чтобы, оставляя все красоты подлинника без всякой, поколику можно, перемены слов, невразумительные места сократить или пропустить; прочие же, требующие распространения, дополнить своими приличными и на вероятных догадках основанными умствованиями. Сим средством песнь сия от начала до конца сделается ясною, и я надеюсь, что сколь бы ни были собственные мои распространения и присовокупления слабы, но сплассенные с сильными выражениями и красотами подлинника, нечто приятное составят они для чтения» (VII, 125).

Первый в истории изучения «Слова» объяснительный перевод стал в то же время и самостоятельным литературным произведением, как бы вариацией на мотивы древнего памятника русской литературы, и это произведение вполне удовлетворяло принципам той литературной группы, которая несколько лет спустя организовалась в «Беседу любителей русского слова».

О значении, которое сам Шишков придавал своей работе, свидетельствует письмо его к патриарху русской литературы, который первым откликнулся на находку «Слова»,¹⁰ М. М. Хераскову: «Вы найдете в сей части («Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею», ч. 1, СПб., 1805, — М. А.) толкование мое на слово или песнь о полку Игоревом. Сочинение сие как по древности, так и по красоте своей показалось мне достойным того, чтоб вникнуть и разобрать оное подробнее. Не знаю, предупел ли я рассеять тот мрак, в каком оно являлось быть скрыто, и не обманулся ли где в показывании стихотворческих красот. Естьли бы я смел вас беспокоить, то пожелал бы знать ваше о том мнение, которое чем чистосердечнее, тем приятнее бы для меня было».¹¹

В предуведомлении к переводу Шишков подробно развивает свои излюбленные мысли о древности русской литературы: начало словесности в России «покрыто мраком». «Однако заключить можно, что язык наш процветал издревле» (VII, 35—36). Доказательства этой мысли, по Шишкову, суть следующие: во-первых, красота и сила переводов священных книг, откуда следует, что Россия еще до принятия христианства обладала выработанным литературным языком. Во-вторых, фольклор, в котором «часто видны бывают следы уопарения и стихотворческого духа». И, наконец, последнее, но занимающее важнейшее место в рассуждениях Шишкова — свидетельство «Слова»: «... высокое мнение и почтительное изречение о Бояне показывает, что славенский певец сей может быть гремел некогда таковою же славою, как и греческий Гомер. Где в стране поет один соловей, там, без сомнения, есть и другие: когда в Славенском народе был Боян, то, конечно, были и другие, подобные ему, но сочинения их до нас не достигли, и потому память их погибла» (VII, 36—37).

Мысль Шишкова была подхвачена митрополитом Евгением, другом и литературным советником Державина, позднее почетным членом «Бе-

¹⁰ См.: С. Ф. Елеонский. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII—начала XIX вв. — Слово о полку Игореве. Сб. статей, Государственный литературный музей, М., 1947, стр. 96 и сл.

¹¹ Рукописный отдел ГПБ, ф. 862 А. С. Шишкова, ед. хр. 3, стр. 14. Письмо датировано 20 октября 1805 г.

седы». В ранней редакции «Опыта исторического словаря о русских писателях» Евгений говорит: «Г. вице-адмирал Александр Семенович Шишков, известный сочинитель книги *О старом и новом слоге российского языка*, в представленных Российской Академии *Примечаниях* своих на *Песнь о походе Игоря на Половцов* доказывает из сей самой песни, что, кроме сочинителя оной и упоминаемого в ней певца Бояна, существовали в древние времена русские писатели, стихотворческим духом и высокостию мыслей исполненные».¹² Евгений ссылается не на печатный текст, а, очевидно, на рукопись представленных в Академию примечаний, так как, судя по письму Шишкова к Хераскову (см. выше), первая часть «Сочинений и переводов» вышла, вероятно, не ранее октября — Шишков не послал бы маститому старцу свою работу долго спустя после выхода. Евгений же послал в Москву статью о Бояне в мае 1805 г.,¹³ т. е. еще до выхода в свет работы Шишкова. Таким образом, мысли Шишкова были для Евгения настолько важны, что он поторопился включить их в публикацию словаря, не дожидаясь появления печатного текста.

Позднее Евгений охладел к представлениям Шишкова, что древняя литература была богата авторами: ссылки на Шишкова в отдельном издании «Словаря», вышедшем уже после смерти Евгения, нет. В 1815 г. он пишет Державину только о Бояне: «Песнопевец полку Игорева сохранил нам память о некотором Бояне, которого называет он соловьем старого времени и внуком Велесовым... вот первый известный нам славенорусский лирик, которого однакож ни сочинений, ни жизни, ни века мы не знаем».¹⁴

Шишков рассматривает «Слово» как героическую песнь («песню» он, кстати сказать, вслед за первым изданием называет памятник в своем переводе), и поэтому основой русского текста в связи с жанровой системой, определенной еще Ломоносовым, становится «высокий штиль», в котором основную стилиобразующую роль играют славянизмы. Это особенно хорошо заметно в тех многочисленных местах перевода, которые не имеют соответствий в оригинале: «Но кто сей, исполнну подобный, шествует бодро и грозно? Отчего толика радость в войске Игоревом, и на кого взоры всех обращаются?» (VII, 128); «Россияне... в молчании грядут...» (VII, 130): «Се корысть, рекут воины, достойная великого вождя нашего и драгоценнейшая в очах его, чем золото и паволоки» (VII, 131) и т. д. Шишков использует не только лексические, но и синтаксические славянизмы. Таков, например, дательный самостоятельный: «Тако разбиту, рассеяну врагу, далеко залетевшее храброе гнездо Ольгово дремлет в поле» (VII, 131).

Сравнительно малое влияние на перевод Шишкова оказало «оссиановское» восприятие памятника (т. е. прежде всего изображение мрачных картин природы, кровавых битв, призраков и прочего и соотнесение всего этого с настроением героев),¹⁵ широко распространенное в литературе, на-

¹² Евгений. Опыт исторического словаря о русских писателях. — Друг просвещения, М., 1805, ч. 3, № 8, август, стр. 156—157.

¹³ См.: Переписка Евгения с графом Д. И. Хвостовым. — Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук, т. 5, вып. 1, СПб., 1868, стр. 122.

¹⁴ Г. Р. Державин, Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, 2-е академич. изд., т. 7, СПб., 1878, стр. 623.

¹⁵ Об «оссианизме» «Слова» см.: Ю. М. Лотман. «Слово» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. — Сб. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 364 и сл.

чина с Карамзина.¹⁶ Шишков даже фантастическому Диву, отнюдь не в духе Оссиана, пытается дать рациональное объяснение: «Слово сие происходящее или от *диво* (чудо), или от *дивий* (дикий), представляет здесь верховное половецкое правительство, которое, аки некое седящее на высоте престола страшилище, печется через приумножение сил своих нанести неприятелю всякое зло и вред» (VII, 129). По поводу этих штудий Шишкова В. Олин, укрывшийся под вседонимом «3—15» (он был близок к «Беседе», в 1813 г. стал ее членом-сотрудником, вряд ли хотел раздражать могущественного покровителя и позднее), с издевкой писал: «Не понимаю, почему *див* должен означать *правительство* или *верховную власть*? Весьма удивляюсь, как могло *правительство* сидеть на вершине дерева и кричать с оного?»¹⁷

Обилие славянизмов придает торжественную величавость даже тем немногочисленным местам переложения Шишкова, которые написаны под явным влиянием Оссиана: «Тако рек Святослав. Великая душа его, в теле ветхом и сокрушенном, колеблется и мятется, подобно трепещущим высокого дуба листьям, когда бурный ветер играет ими. Очи его сверкают еще искрами любви к отечеству, но седая голова его невольно клонится уже к персям. Мрачен, углублен в размышление сидит посреде вельможей своих, печально окрест его стоящих. Безмолвное уныние царствует повсюду, в домах, на стогнах и в чертогах княжеских» (VII, 144—145).

Рассуждая о красотах древнего памятника, Шишков, увлекаясь, попадает иногда под влияние оссиановской фразеологии: «Впрочем, не взирая на темноту некоторых слов, какой огонь красноречия блистает здесь: Игорь идет с войсками, буря над головами их ревет, ночь и мрак препинают им путь, враны готовятся трупы их терзать, волки на пожранье их разевают пасть свою, орлы, соглашаясь с зверями, кости их расхитить хотят, и лисицы, дыша злобою, лают на червленые их щиты! Меньше ли здесь славенский Оссиан шотландского?» (VII, 55). Однако, когда то же место включается в текст перевода, оно сокращается, приближаясь к оригиналу (выпадают типично оссиановские мотивы: буря над головою их ревет; ночь и мрак препинают им путь; дыша злобою), резко увеличивается число архаизмов (корысть — в значении добыча; гладный — голодный; разверзают — вместо разевают). Это умеряет романтическую тональность первоначального варианта и придает «оссиановскому» абзацу торжественность, отвечающую общему колориту переложения: «Игорь твердый посреде всех сих страхов ведет полки свои к Дону. Уже враны, провидя в них корысть свою, готовятся их трупы терзать; уже гладные волки разверзают на них пасть свою; орлы клетком на кости зверей зовут; лисицы брешут на червленые щиты» (VII, 130).

В то же время перевод Шишкова подчеркнул связь памятника с народной поэзией. Подробная и тщательная классификация поэтики русского фольклора дана была Шишковым в 1811 г. в работе «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки». Однако уже в переводе «Слова» видно обращение Шишкова к хорошо ему известным приемам народного творчества. Так, он вводит в текст перевода отрицательное сравнение, ибо «уподобления, которые можно назвать отрицательными, часто в старинном стихотворении нашем находим» (III, 100): «...не так дружно гонимые ветром волны морские несутся, как влекомые славою

¹⁶ См.: Н. М. Карамзин, Несколько слов о русской литературе. — Избранные сочинения, т. 2, М.—Л., 1964, стр. 147.

¹⁷ Рассуждение о переводе Г. Пожарского «Слова о полку Игореве» и примечаниях, сделанных им на оное. — Журнал древней и новой словесности, 1819, № 11, июнь, стр. 127.

полки российские текут, поспешая достигнуть пределов страны неприятельской» (VII, 129).

Особое внимание уделяет Шишков фольклорным постоянным эпитетам: «Хотя и новое стихотворство не убегает прилагательных имен, однакож в старом были оные несравненно употребительнее, и почти каждое существительное имело свое прилагательное: *красное солнышко, светлый месяц, частые звезды, синее море, черный соболь, белая лебедь* и пр. и пр.» (III, 95). Поэтому Шишков не только сохраняет в переводе все постоянные эпитеты оригинала: серым волком по земле, сизым орлом под облаки (VII, 126), всядем... на борзых коней, да позрим синего Дону (VII, 127), черный вран,¹⁸ нечестивый половчанин (VII, 132) и т. д. и т. п., но и добавляет их там, где в оригинале они отсутствуют: «Оно (воинство, — М. А.) дотоле, как лес густой, неподвижно стоявшее...» (VII, 129); «Слава... повела в ратное поле... спать на сырой земле» (VII, 133); «князь Всеслав рыскал, как серый волк» (VII, 144). Один постоянный эпитет оригинала («восплескала лебедиными крылы на синем море у Дону») превращается у Шишкова в два: «Злоба врагов наших, как бела я на синем море лебедь (разрядка моя, — М. А.), играет, радуется, плещет крыльями на Дону» (VII, 135).

Об инверсии в связи с русским фольклором Шишков писал: «Особливо же помещение сих имен (прилагательных, — М. А.) позади существительных составляло не малую красоту» (III, 95—96). В переводе он часто прибегает к этому приему, совершенно независимо от паличия или отсутствия его в оригинале: «...ополчается он на брань кровавую, собирает войско мужественное, выступает в поле пространное» (VII, 126); «Стекается... воинство российское» (VII, 128); Ярославна всходит «на стены градские» (VII, 145); Игорь скачет горностаем к «тростнику речному» (VII, 147). Иногда Шишков увеличивает количество прилагательных, стоящих вслед за определяемым существительным: «Печаль тучная, жирная, упитавшаяся слезами народа, ходит посреде России» (VII, 136). (Ср.: «...псчаль жирна тече средь земли Руских»).

«Слово о полку Игореве» постоянно у Шишкова сопоставляется с поэмами Гомера — и то и другое представляет собою образец древнего героического эпоса. Шишков не исключает и непосредственного влияния Гомера на автора «Слова»: «...разговор Донца реки с Игорем есть вымысл весьма употребительный у древних стихотворцев: тако Ахиллес разговаривает у Гомера с копиями своими. Весьма вероятно, что сочинителю сей песни Гомерова Илиада была не безызвестна» (VII, 116).

Таким образом, для Шишкова «Илиада» и «Слово» были стилистически однородны, и принципы переложения русского памятника он сразу же использовал для прозаического перевода с английского XVI песни «Илиады». Славянизмы и здесь стали основным стилеобразующим элементом. По Шишкову, «сила и звучность нашего славено-российского языка» такова, что «может быть, красота Гомеровы не потеряли бы на нем достоинства своего, если бы искусное и трудолюбивое перо начертить их потщилось».¹⁹ Таким образом, с точки зрения Шишкова, славянизмы не являются признаком национального русского искусства: они суть знаки, с одной стороны, высокого, героического стиля, с другой — древности, которая у Шишкова всегда ассоциируется с высокостью и героикой. По-

¹⁸ Для литературной позиции Шишкова показательно, что «ворон» оригинала превратился у него во «врана».

¹⁹ А. С. Шишков. Гомеровой Илиады Песнь XVI. — Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею, ч. 2, СПб., 1806, стр. 186. (Далее: А. С. Шишков. Сочинения и переводы, 1806).

этому, строя свой перевод Гомера на славянизмах, Шишков избегает того, что носило бы специфически русский характер — здесь отсутствуют и постоянные эпитеты, и инверсия, придававшие древнему тексту «Слова» национальный русский колорит.

Стилеобразующие славянизмы русского Гомера не имеют никаких архаических соответствий в английском оригинале: «Патрокл! рцы, ка я скорбь грудь твою снедающая, толь сильно изливается в сих твоих слезах немужественных». ²⁰ Ср.:

Patroclus, say, what grief thy bosom bears,
That flows so fast in these unmanly tears.²¹

Сугубо архаическому «рцы» в английском тексте соответствует нейтральная форма «say» — «скажи».

Иногда Шишков усложняет текст, вводя в него архаические выражения, отсутствующие в оригинале: «Ксант и Балий (кони Ахилла, — М. А.)... от ветра рождены они и быстры яко вестер. Единого из них летучия Гарпия, другого скоротечная Подарга, от Зефира на берегах бурного моря очреватешие, во ложеснах своих носили». ²² Ср.:

Xanthus and Balius, of immortal breed,
Sprung from the wind, and like the wind in speed;
Whom the wing'd Hairy, swift Podarge, bore,
By Zephyr pregnant on the breezy shore...²³

«Во ложеснах своих носили» — в оригинале отсутствует.

Очень осторожно, один раз в «Слове» и один раз в переводе Гомера, употребляет Шишков слово «перси» в значении мужская грудь. К началу XIX в. за этим словом уже укрепилось его сентиментально-эротическое значение: женская красивая грудь. У Шишкова Святослав склонил свою голову на перси, ²⁴ Патрокл облекает свои перси в доспехи. ²⁵ Слова «breast» и «bosom» Шишков во всех других случаях переводит равно — грудь. ²⁶ Итак, можно проследить связь перевода «Слова» с прозаическим переводом «Илиады», а затем с переводом Гнедича, у которого славянизмы, употребляемые в умеренном количестве, стали средством искусной архаизации древнего памятника при переводе его на чужой язык. ²⁷

В глазах карамзинистов, противников Шишкова, перевод и толкование «Слова» было заметным явлением его литературной деятельности.

Я [...] томов не пишу на древнего Бояна, —

противопоставлял себя Шишкову В. Л. Пушкин в известном послании «К Д. В. Дашкову» (1811). ²⁸

В то же время высокая оценка «Слова» как произведения русской культуры оказывала сильное влияние на сторонников Шишкова.

²⁰ Там же, стр. 186—187.

²¹ *Iliad of Homer*. Translated by A. Pope, London, 1822, p. 359.

²² А. С. Шишков, Сочинения и переводы, 1806; стр. 198.

²³ *Iliad of Homer*, p. 363.

²⁴ См. выше, стр. 113.

²⁵ А. С. Шишков, Сочинения и переводы, 1806, стр. 196.

²⁶ Н. И. Гнедич, возвращаясь к первым переводчикам Гомера, свободно и смело употребляет слово «перси» в значении мужская и даже конская грудь. См.: А. Н. Егуннов, Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.—Л., 1964, стр. 208—210. Об откликах современников на перевод Шишкова см.: там же, стр. 144—145.

²⁷ См.: там же, стр. 266 и сл.

²⁸ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. «Библиотека поэта» (Большая серия), Л., 1959, стр. 271.

С. Н. Глинка в статье о поэме «Петр Великий», автором которой был последователь и любимый ученик Шишкова С. А. Ширинский-Шихматов, писал о «Слове» вполне в духе комментария Шишкова, восхищаясь красотами древнего памятника. Живо отзывался Глинка и на идеи Шишкова о значении «Слова» в общей истории русской литературы. Не стремясь, разумеется, связать генетически древний памятник с последующей литературной жизнью, он сопоставляет «Слово» с одами Ломоносова, исходя из общей для обоих эстетической оценки: «Песнопевец подвига князя Игоря Святославича писал в исходе двенадцатого столетия; но он так же располагал слова и мысли, как и Ломоносов, живший в осьмомнадесять столетии. Ум, одаренный природной способностью, изощренный знанием отечественного слова и руководимый опытом, во все времена и во всех странах действует одинаково».²⁹ И Ломоносов, и автор «Слова» рассматриваются Глинкой как поэты, создающие свои произведения на основе богатого предшествующего опыта. Подобный взгляд на автора «Слова», как мы видели, и провозглашал Шишков.

Статья Глинки, напечатанная в майском номере «Русского вестника» за 1810-й год, уже в конце этого года, в двенадцатом номере «Цветника» вызвала резкую отповедь В. Л. Пушкина, одного из главных полемистов карамзинского лагеря. Пушкин, обругав поэму Шихматова:

Поэма громкая, в которой плана нет,
Не песнопение, но сущий только бред. —

задел и ее защитника Глинку:

Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Баян в свой век героев воспевал.³⁰

Ближайшим откликом на работу Шишкова о «Слове» явился перевод памятника, выполненный одним из самых ревностных последователей Шишкова А. А. Палицыным. Самое значительное произведение этого малоизвестного поэта и переводчика — «Послание к Привете», обширный стихотворный обзор всей новой русской литературы от Кантемира до Карамзинского. В «Послании» Палицын нападает на Карамзина, правда не называя его имени, а лишь цитируя или упоминая его произведения,³¹ и заявляет себя решительным сторонником Шишкова:

Приводишь книгу ты (Привета, — М. А.) о слоге тут Шишкова,
Всю помня наизусть ее почти до слова.
Противу новостей смешных она твой щит. . .
. . . им чужих речей и слов удержан ток,
Готовой потопить наш пресжний чистой слог.³²

В том же 1807 году, когда было напечатано «Послание к Привете», Палицын опубликовал и перевод «Слова». В качестве предисловия к своей работе Палицын использовал, несколько сократив, введение к изданию 1800 г., закончив его похвалой Шишкову: «Читатель, желающий узнать красоты мыслей и слога в сей поэме, могущих навсегда служить образ-

²⁹ Русский вестник, 1810, № 5, стр. 116—117.

³⁰ В. Л. Пушкин. К В. А. Жуковскому. — Поэты-сатирики, стр. 268. Строки эти оставлены в книге без комментария.

³¹ См. комментарий к «Посланию к Привете» в кн.: Поэты 1790—1810-х гг. «Библиотека поэта» (Большая серия). (Выходит из печати).

³² А. Палицын. Послание к Привете, или Воспоминания о некоторых русских писателях моего времени. Харьков, 1807, стр. 32—33.

цом витийства, удовольствует похвальное любопытство свое, прочитав на нее примечания в 1-й части Сочинений и переводов Российской Академии 1805 года». ³³ Толкования Шишкова легли в основу перевода Палицына: «Переложение сей песни в прозе и остроумные примечания г. Шишкова подали мне и мысль и смелость переложить оную, как песнь, стихами, а лестное одобрение, коим он удостоил их начало, побудило меня окончить сие слабое стихотворение». ³⁴

Свой перевод вслед за Шишковым Палицын называет «героическая песнь», тем самым подчеркивая близость его к произведениям высокого жанра, прежде всего к эпической поэме. Этим обусловлен и размер перевода (единственный в истории поэтических переложений памятника) — шестистопный ямб, прочно прикрепленный в русской традиции, следом за Францией, к высокой трагедии и героической эпопее.

Основным стилиобразующим элементом у Палицына, как и у Шишкова, естественно становятся славянизмы. Герои его «песни» торжественно «текут» в битву, как это делали их предшественники в «Россиядах» и «Петриадах», полководцы торжественно выступают и т. п.:

Уже российская рать течет от всех сторон. . . ³⁵

Или:

Уже россияне вспять клопятся от бою,
Но паки в бой текут, узрев князей с собою. ³⁶

Рационалистическое мышление классицизма избегает необычного словоупотребления, поэтому, когда, следуя за прозаическим текстом, Палицын встретил там выражение *жемчужная душа*, то эпитет этот показался ему слишком смелым. И в примечании Палицын предлагает своим читателям: «Если выражение *жемчужная душа*, как ныне неупотребительное, хотя впрочем в древнем слоге красноречиво, кому не понравится, тот может сей стих прочесть так:

Дражайшая
Геройская душа твоя из храбра тела. ³⁷

Палицын со скрупулезной точностью перекладывает в стихи перевод Шишкова. Рабская зависимость его от оригинала особенно отчетливо проявляется при переложении вставок Шишкова, не имеющих соответствия в древнем тексте. У Шишкова: «Из древних преданий известно нам, каким образом славные во бранях князь и полководцы решали состязание свое о преимуществе: десять мужей выезжали на чистое поле, каждый с соколом на руке; они пускали их на стадо лебединое: чей сокол скорее долетал, тот и первенство одерживал, тому и песнь воспевалася» (VII, 126). У Палицына:

Из древних повестей о том известно нам,
Что к почести князей, которых прославляли,
Им десять соколов на лебедей пускали:
Чей прежде долетал к предмету своему,
То воспевалася и прежде песнь тому. ³⁸

³³ Игорь, героическая песнь. С древней славенской песни, писанной в XII веке, предложил стихами Александр Палицын, Харьков, 1807, стр. VI.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 3.

³⁶ Там же, стр. 8.

³⁷ Там же, стр. 37.

³⁸ Там же, стр. 1.

Шишков: «Тако нося в груди своей дух брани и мужества, презирают они великолепные, женам приличные украшения. Не золото нужно им: железо, орудия, копья, мечи!» (VII, 131). Палицын:

Так бранный дух в груди и славу водворя,
Женам приличные отмежут украшения,
Не золото нужно им: железо на сраженья!³⁹

Шишков был лично знаком с Палицыным. Он получил от последнего и опубликовал повесть И. Ф. Богдановича «Добромысл». ⁴⁰ Покровительствовал Шишков любимому ученику Палицына Е. И. Станевичу, который был членом-сотрудником второго разряда «Беседы». Через Станевича он просит Палицына прислать что-нибудь для «Беседы». ⁴¹ Когда вышел перевод «Слова», Палицын поспешил послать Шишкову экземпляр, ибо, по всей вероятности, именно Шишкова называет Палицын покровителем в письме Д. И. Хвостову от 3 октября 1807 г.: «Много у меня и прежних работ, но они лежат и лежат и, может быть, навсегда останутся в пыли, потому что стар и болен... Игоря моего, насилу выползшего, препроводил к его покровителю. Стыдно только, что нарядили таким черным, как унылой его псвец». ⁴² Шишков, оценивший старания своего последователя, перепечатал перевод Палицына, выбросив предуведомление, стихотворные обращения и комментарии, в периодическом издании Российской Академии. ⁴³

Палицын усвоил лишь один аспект шишковского восприятия «Слова» — героическое начало и, интерпретировав его в привычных для себя представлениях, дал вариант героической поэмы классицизма на мотивы древнерусского памятника. Эту главную неудачу Палицына заметил Евгений, в письме которого к Хвостову перевод охарактеризован как «почтенный с бородою седою русский старец в нынешнем французском кафтане; читая Палицына, я только вспоминал о древности, тут вижу, с позволения сказать, передразнивание, а не переложение Игоревой песни». ⁴⁴

Письмо Евгения предвещает известную полемику о гекзаметрическом переводе Гомера, разгоревшуюся несколько лет спустя на страницах «Чтений в Беседе любителей русского слова». Там Уваров настаивал на том, чтобы грека Гомера не одевали по-русски («Омер в русском зипуне столько же мне противен, как во французском кафтане»), ⁴⁵ здесь Евгений справедливо протестует против превращения древнерусского воина во французского рыцаря. Письмо Евгения Хвостов читал у себя дома в собрании литераторов 10 апреля 1808 г. Оно, таким образом, было довольно широко известно и, может быть, оказало некоторое влияние на позицию Уварова в споре о Гомере.

³⁹ Там же, стр. 6.

⁴⁰ «Она («Добромысл. Старинная повесть», — М. А.) отыскала по смерти его (Богдановича, — М. А.) и прислана ко мне от известного трудами своими в словесности господина Палицына. Он сообщил мне также и другие некоторые сего приятного стихотворца сочинения, найденные в оставшихся после него бумагах». (А. Шишков, Сочинения и переводы, 1806, стр. 73).

⁴¹ Н. Лащенко в. Е. И. Станевич. — Сб. Харьковского историко-филологического общества, т. 9, Харьков, 1897, стр. 63.

⁴² Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 322, Д. И. Хвостова, № 60, л. 273.

⁴³ Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею, ч. 3, СПб., 1808, стр. 81—111.

⁴⁴ Из архива Д. И. Хвостова. Публикация А. В. Западова. — Литературный архив, вып. I, М.—Л., 1938, стр. 404.

⁴⁵ С. С. Уваров. Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре. — Чтение 17 в «Беседе любителей русского слова», СПб., 1815, стр. 61—62.

После Палицына перевод Шишкова использовал для поэтического переложения памятника Н. Язвицкий, член-сотрудник второго разряда «Беседы», председателем которого был Г. Р. Державин. Язвицкий сохраняет в переводе вставки Шишкова, правда, не так раболепно следуя за прозаическим текстом, как Палицын. Так, по Шишкову, боярам давно было известно поражение Игоря, но они скрывали печальную новость от престарелого князя, сообщив ее только после «мутного сна» Святослава. В переводе Шишкова читаем: «Тогда бояре, прервав молчание, рекли князю: „Долго мы таили, долго, храня драгоценное для нас маститой старости твоей спокойствие, скрывали от тебя общис напасти. Но бедствие наше превосходит меру, и не можем далее оставлять тебя в неведении“» (VII, 138).

Язвицкий, сохраняя мысль Шишкова, сильно сокращает его перевод:

Тут рекли бояра князю их:
Грусть давно тягчит умы у нас;
Князь! познай кручину общую:
Два слетели ясны сокола

и т. д.⁴⁶

Шишков не согласился с первыми издателями «Слова», которые «сороки не трескоташа, полозию ползоша только» перевели: «Сороки, не стрекотали, но двигались только по сучьям»,⁴⁷ — справедливо заметив, что «сорокам не свойственно ползать или двигаться по сучьям» (VII, 121). Он отнес глагол «ползать» к следующему предложению и перевел: «...галки молчат, сороки не стрекочут; одни только дятлы, по сучьям ползая, стуком носов своих путь к реке кажут» (VII, 148).⁴⁸ У Язвицкого сохранена мысль Шишкова:

По древам лишь дятлы ползая,
По реке путь кажут долбленьем.⁴⁹

В то время как Палицын, идя за Шишковым, подчеркнул в своем переводе героический характер памятника и транспонировал его на поэтическую систему классицизма, Язвицкому тот же самый перевод дал возможность подойти к тексту с романтических позиций и подчеркнуть его фольклорную основу.

В 1811 г. вышла из печати книга Язвицкого «Введение в науку стихотворства». Здесь дана пространная характеристика «Слова» и приведены отрывки из стихотворного перевода. Язвицкий традиционно сравнивает «Слово» с песнями Оссиана. В последних он в соответствии с учением Гердера⁵⁰ отмечает «пылкое стремление к свободе... В таких песнях видна душа, исполненная природою, некоторое дикое величие, подобное тем лесам и горам, в коих обитали сии народы; в них приметна какая-то мрачность попеременно печальная и приятная... Сии люди... любили все мрачное, необразованное, дикое, не знали удовольствия жизни и были мало коной привязаны; презирали ужасы смерти».⁵¹

⁴⁶ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, СПб., 1812, стр. 44.

⁴⁷ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. 43. (Фототипическое воспроизведение в кн.: Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950).

⁴⁸ См. перевод и комментарий Д. С. Лихачева к этому месту памятника в кн.: Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 464.

⁴⁹ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, стр. 52.

⁵⁰ См., например: И. Г. Гердер. Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях древних народов. — В кн.: И. Г. Гердер. Избранные сочинения. М.—Л., 1959, стр. 27 и сл.

⁵¹ Н. Язвицкий. Введение в науку стихотворства. СПб., 1811, стр. 109—110

Сходство между «Словом» и песнями Оссиана Язвицкий обнаруживает не столько в тематической близости, сколько в полной внутренней свободе создания обоих произведений: «Здесь (в «Слове», — М. А.)... заметим во многих местах удивительную быстроту, великие дарования и высокий ум, подкрепленный не наукою, не чтением Омиров и Виргилиев, но самою природою».⁵² Таким образом, Язвицкий отказывается от излюбленной мысли Шишкова о связи «Слова» с предшествующей литературной традицией. Он ни разу не упоминает о Бояне, так как с точки зрения романтической концепции искусства, поэтические достоинства древнего памятника обусловлены именно отсутствием книжной литературной традиции. И если Шишков предполагал знакомство автора «Слова» с Гомером, то Язвицкий, отрицая влияние Гомеров и Виргилиев, демонстративно отвергает нормы поэтики классицизма, «правила», для анализа памятника древней русской литературы: «Сей песни не будем разбирать мы по правилам поэмы, не станем требовать единства действия, чудесности и других качеств, предписанных в различных умозрениях».⁵³

Спустя год Язвицкий опубликовал свой перевод в печатном органе «Беседы». Здесь он убрал из предуведомления все, что могло быть воспринято как полемика с Шишковым, сослался на Державина, который сопоставлял «Слово» с Оссианом в «Рассуждении о лирической поэзии», упомянул Шишкова и Палицына и подчеркнул в своей позиции то, что сближало ее со взглядами Шишкова: «...одна токмо любовь к всему славено-русскому, собственное мое удовольствие, пламенные чувства, заключающиеся в песни сей, воодушевили меня и принудили как бы забыть недостатки сил моих».⁵⁴ В заключение Язвицкий обрушился на противников Шишкова, отрицающих эстетическую ценность древней русской культуры: «...остается еще... довольное число вкусов и умов, кои не чувствуют образцовых красот *Игоревой песни*. Есть люди, кои не доверяют славе и величию воспетых в ней князей, кои ничего не значущею новизною, или, лучше сказать, сами собою сияются оспорить достоинство почтенных наших предков — славян, совершенно презирают величественную простоту, первобытной наш вкус, истинные естественные красоты и нестаряющееся витийство нашей древней словесности».⁵⁵

Эти общие нападки на карамзинистов, возможно, имеют в виду и конкретного адресата — В. А. Пушкина, который в послании «К В. А. Жуковскому» противопоставил европейское просвещение русским древностям:

В чем уверяют нас Паскаль и Боссюэт,
В Синописе того, в Степенной книге нет.
Отечество люблю, язык я русский знаю;
Но Тредьяковского с Расином не равняю —
И Пиндар паших стран тем слогом не писал,
Каким Баяп в свой век героев воспевал.⁵⁶

Отрицание книжной культуры у автора «Слова» естественно привело Язвицкого к сближению этого произведения с устным народным творчеством, в чем он сходил с Шишковым. Последний, хотя и говорил о литературных традициях в «Слове», в то же время, как мы видели, провозглашал связь памятника с фольклором и показал это в своем переводе.

⁵² Там же, стр. 97.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, стр. 33.

⁵⁵ Там же, стр. 34.

⁵⁶ Поэты-сатирики, стр. 268.

У Язвицкого связь с фольклором подчеркнута прежде всего выбранным для перевода дактило-хореическим размером: «Сохраняя, сколько возможно было, слова, выражения и красоты подлинника, я переложил песнь сию русскими дактило-хореическими древними нашими стихами, потому,

Что пристойно слогом древности
Повесть рассказать печальную
О полку походе Игоря».⁵⁷

Этот размер был охарактеризован Карамзиным в 1794 г. как совершенно русский, каким сочинены все наши старинные песни.⁵⁸ После «Ильи Муромца» Карамзина он вошел в общее употребление и до Язвицкого был использован И. Серяковым в первом стихотворном переводе «Слова».⁵⁹

А. Востоков в разгромной рецензии на «Введение в науку стихотворства» упрекнул Язвицкого за выбор размера: «Вместе с текстом приводит автор собственное предложение одного стихами, так называемыми русскими ... Предложение сие показалось нам вообще как-то вялым, в чем виним не столько слабость таланта автора, сколько неудобность размера, употребленного им. Если перелажать в стихи *Слово о полку Игореве*, то мы бы предпочли для сего размер стопосложный, например ямбический 6-тистопный, каким г. Палицын предложил оное (сие предложение помещено в 3 части *Сочинений и переводов* Российской Академии; но и оно так плохо, что невозможно дочитать его до конца). Причина же сему кажется нам та, что тон и слог сей древней русской поэмы более имеет сходства с греческим (и следовательно, также с тоном новейшей поэзии), нежели с простонародным русским, к которому приложено стихосложение русское».⁶⁰ Предпочтение, хотя и очень условное, Палицына Язвицкому свидетельствует о том, что Востоков отрицал фольклорную природу «Слова». Как показало дальнейшее изучение памятника, в этом споре прав был Язвицкий.

Помимо размера, воспринимавшегося современниками как народный, ощущение фольклорности придает переводу Язвицкого (и тут переводчик следует за Шишковым) обильное употребление постоянных эпитетов. Сохраняя постоянные эпитеты «Слова», Язвицкий, как и Шишков, добавляет свои: «волки серые»,⁶¹ «поле чистое»,⁶² «подхвативши половецких дев / Красных полных как светел месяц»,⁶³ «Веют стрелы с моря синего»⁶⁴ и т. д.

Карамзинисты, по-видимому, в течение первых десятилетий XIX в. сравнительно мало интересовались «Словом». Только Карамзин, углубившийся в изучение русской истории, создает литературный портрет Бояна⁶⁵ и пересказывает содержание «Слова» в «Истории государства Российского».⁶⁶

⁵⁷ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, стр. 33—34.

⁵⁸ Н. М. Карамзин. Избранные сочинения, т. 2, М.—Л., 1964, стр. 45.

⁵⁹ И. Серяков. Поход Игоря противу половцев. СПб., 1803.

⁶⁰ В [востоков]. Рецензия на кн.: Введение в науку стихотворства — СПб., 1811. — СПб. вестник, 1812, ч. 2, № 6, стр. 298—300.

⁶¹ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, стр. 37.

⁶² Там же, стр. 37.

⁶³ Там же, стр. 38.

⁶⁴ Там же, стр. 39.

⁶⁵ Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. 2, стр. 156—157.

⁶⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 3. СПб., 1816, стр. 213—218.

Предпринятый Жуковским в 1818—1819 гг. перевод «Слова», который, кстати сказать, до сих пор считается лучшим,⁶⁷ так и оставался неопубликованным вплоть до 1882 г.⁶⁸ Эта работа не нашла отражения ни в переписке, ни в литературной деятельности друзей Жуковского — очевидно, она и не занимала их. Неудивительно поэтому, что первый издатель перевода Жуковского, обнаружив его в бумагах Пушкина, Пушкину приписал и самый перевод.

По-настоящему вторая жизнь «Слова» началась в «Беседе». Древний памятник сыграл существенную роль в формировании литературной позиции этой группы, став, таким образом, важным явлением литературной жизни уже XIX в. «Беседа» усиленно пропагандировала «Слово», она обратила внимание на его героический характер, подчеркивала его связь с народной поэзией и тем самым сыграла благотворную роль в последующем его изучении.

⁶⁷ См. например: И. П. Еремин. Лекции по древней русской литературе. 1968, стр. 127.

⁶⁸ ЧОИДР, 1882, кн. 2, отд. II, стр. 1—16.